

Доклад 7. Философия русской идеи. Опыт аналитического евразийства

Владимир Владимирович Видеманн

Российский журналист и писатель, политолог, историк, участник советского хиппи-движения и международного движения антиглобалистов.

Если говорить о русской философии, то нельзя обойти ее центральную философему – русскую идею. Сам термин «русская идея» был впервые введен в оборот в 1860 году Федором Достоевским¹, стремившимся связать чувство национального патриотизма с концепцией всеобщей нравственности. Однако первые сполохи этой идеи, еще не оформленной терминологически и концептуально, проявились, согласно академической историософии, уже в 1830-е годы, в связи с началом реальной индустриализации России и соответствующими изменениями в общественном сознании.

Первым русским философом, обратившим пристальное внимание на уникальность России и ее народа, был Петр Чаадаев², критические идеи которого были развиты представителями двух основных лагерей русской интеллигенции – западниками и славянофилами (почвенниками). Соответственно, мы имеем две версии русской идеи – в западническом (в целом материалистическом) и славянофильском (идеалистическом) ключе. И если славянофильская апология русской идеи (к выразителям которой относился и сам Федор Михайлович) в целом понятна, то ее западническая версия до сих пор может вызывать неординарные вопросы.

Русская идея славянофилов – это, образно говоря, Москва – третий Рим, а также самодержавие – православие – народность. Тут, конечно,

¹ Фёдор Михайлович Достоевский (30 октября [11 ноября] 1821, Москва, Российская империя – 28 января [9 февраля] 1881, Санкт-Петербург, Российская империя) – русский писатель, мыслитель, философ и публицист.

² Пётр Яковлевич Чаадаев (27 мая [7 июня] 1794, Москва – 14 [26] апреля 1856, там же) – русский философ (по собственной оценке – «христианский философ») и публицист. В 1829–1831 годах создал своё главное произведение – «Философические письма».

Философия русской идеи. Опыт аналитического евразийства

возможны отдельные нюансы, но в целом, по форме, противоречий нет. Иное дело – западничество. Прежде всего, тут не работает простая зеркальная реакция на славянофильство «от обратного», т.е. по принципу противопоставления самодержавию – православию – народности неких демократии – свободомыслия – интернационализма, хотя такие попытки тоже имели место. Но это уже будет не русская идея, а идея как бы международная, вселенская. Хотя (и тут – вся соль) составляющая часть канонической (в смысле славянофильской) русской идеи – именно ее провозглашаемый универсализм!

Тема национального и универсального не преодолена в философии русской идеи до сих пор. Проблема усугубляется тем, что часть славянофилов, следуя парадигме Николая Данилевского³ о «биологическом национализме» (теории культурно-исторических типов), перешла на материалистическое мировоззрение, близкое в своем наукоцентризме западничеству. В известном смысле методологическим наследником Данилевского был Лев Гумилев⁴ с его пассионарной теорией этногенеза, ставшей одним из столпов современного евразийства. При этом встает еще один вопрос: насколько евразийство конвертируется с философией русской идеи?

Политолог Валерий Коровин⁵ однозначно пишет на этот счет:

«Евразийство – это русская идея, хочу это подчеркнуть. Отцы-основатели евразийства – это русские аристократы, Николай Трубецкой, Пётр Савицкий, Николай Устрялов, это лучшие умы российской мысли на протяжении всего XX столетия» (Доклад на заседании Изборского клуба, 2020).

³ Николай Яковлевич Данилевский (4 декабря [16 декабря] 1822[3], село Оберец, Орловская губерния – 7 [19] ноября 1885, Тифлис) – русский социолог, культуролог, публицист и естествоиспытатель; геополитик, один из основателей цивилизационного подхода к истории, идеолог панславизма.

⁴ Лев Николаевич Гумилёв (18 сентября [1 октября] 1912, Санкт-Петербург – 15 июня 1992, Санкт-Петербург) – советский и российский учёный, писатель и переводчик. Археолог, востоковед и географ, историк, этнолог, философ. Создатель пассионарной теории этногенеза.

⁵ Валерий Михайлович Коровин (род. 31 мая 1977, Владивосток) – российский политолог и журналист, политический деятель. Директор Международного некоммерческого фонда «Центр геополитических экспертиз», заместитель руководителя Центра консервативных исследований социологического факультета МГУ, член Евразийского комитета – заместитель руководителя Международного Евразийского движения, главный редактор Информационно-аналитического портала «Евразия», член Изборского клуба.

Но можно ли считать всех русских спонтанными носителями русской идеи? Тем более что традиционная русская аристократия являет собой почти равновесный симбиоз великоросских, польско-литовских и тюркских родов, при незначительном наличии родов иного этнокультурного происхождения (европейского, кавказского, монгольского).

Как уже говорилось выше, фундаментальной характеристикой русской идеи является установка на приоритет нравственного над материальным. Но это лишь одна сторона медали, которая по своей природе не является чем-то специфически русским. В сущности, такого рода установка свойственна всем без исключения народам мира, всем этнокультурным и религиозно-духовным традициям планеты. И в этом смысле русская духовность ничем не отличается от духовности христианской, авраамической и общечеловеческой. Ведь дух дышит, где хочет, не так ли?

Для полноты картины рассмотрим вторую сторону медали русской идеи как устоявшегося философского понятия – русский патриотизм, отождествляемый сегодня с российским, а в период СССР представлявшийся советским. При этом советский патриотизм базировался на материалистическом мировоззрении, отрицавшем всякую религиозную мотивацию как непродуктивное суеверие. А вот сегодняшний российский патриотизм, отождествляемый рядом идеологов с евразийским, вполне допускает религиозную составляющую, хотя и не настаивает на ней. Что вполне естественно, ибо в условиях конституционного запрета на какую-либо официальную государственную идеологию не может быть однозначного идеологического толкования феномена патриотизма.

Отсюда – попытки вернуться к *патриотизму советского времени* с помощью соответствующей атрибутики и мифологии. Именно мифологии, ибо частнокапиталистические идеалы современного российского общества не соответствуют декларативным моральным ценностям эпохи СССР. В качестве альтернативы предлагается *консервативная революция* в пользу культурно-нравственных устоев *дореволюционной, исторической России* (Российской империи). Что тоже сомнительно, так как невозможно натянуть, образно говоря, полуфеодальную сову на глобус постиндустриального высокотехнологического общества.

Таким образом, по нашему мнению, вопрос об онтологических основаниях русской идеи сегодня по большому счету сводится к специфике *национального патриотизма* в государстве российском. Каковы же могут быть мотивации этого патриотизма? Что определяет готовность русского человека (прежде всего как носителя русской речи и

исторических кодов русского общества, при всей возможной широкой трактовке последнего) подчинить свои личные и семейные (клановые) интересы идеалам всеобщей нравственности, выражаемым в философской доктрине национального патриотизма?

Научный патриотизм

Некогда, на заре становления в постперестроечной России неоевразийского движения, его основатель, Александр Дугин⁶, выдвинул тезис «научного патриотизма», воспринятый тогда многими в лучшем случае иронично. Тут, конечно, был и со стороны автора тезиса некий троллинг привычного советскому человеку партийного академизма, по поводу и без повода апеллировавшего «научностью» нормативного советского мировоззрения.

Тем не менее сегодня вопрос с патриотизмом все больше упирается в плоскость верифицируемого прагматизма: не в плане того, что вместо марксизма мы теперь имеем некую альтернативную, но не менее научную «теорию всего», но с точки зрения развития глобального информационного общества и растущей роли ИИ (искусственного интеллекта), посредством которого становится возможной высокотехнологичная манипуляция человеческим поведением, включая заданное форматирование его мотивационных установок. Иначе говоря, речь идет о патриотической установке как особом продукте современного хай-хьюма⁷. И современная практика показывает, что такая манипуляция достижима и даже вполне эффективна!

Однако тут встает резонный вопрос: насколько такая практика морально оправдана, если исходить из презумпции свободы человеческой воли, прописанной в религиозных догматах всех традиционных религий народов России? Да и в атеистической среде принципа свободы воли придерживается подавляющее большинство индивидуумов.

⁶ Александр Гельевич Дугин (род. 7 января 1962, Москва, РСФСР, СССР) – советский и российский философ, политолог, социолог, переводчик и общественный деятель. Кандидат философских наук, доктор политических наук, доктор социологических наук, профессор.

⁷ Хай-хьюм (англ. high-hum – высокие гуманитарные технологии) – совокупность знаний, духовных и культурных ценностей, а также методов передачи информации, организующих людей и побуждающих их к определенной коллективной деятельности. К хай-хьюм обычно относят довольно широкий спектр гуманитарных практик: философию, гуманитарные науки, религию, искусство во всех его проявлениях, поп-культуру, в т. ч. моду во всех областях (одежда, дизайн, музыка и проч.), а также широкий спектр всевозможных гуманитарных ноу-хау (методик преподавания, маркетинга, общения и пр.).

Поэтому мы предлагаем заменить термин «научный патриотизм» или «идеологический патриотизм» понятием «философского патриотизма». Соответственно, поменяется и методология реализации оперативного патриотизма, основанного не на внешних сигналах, а на осмысленных внутренних истинах.

Философия как научная дисциплина

Прежде всего, давайте разберемся, в какой степени сама философия является научной дисциплиной. Не будем здесь повторять бесчисленные аргументы «за» и «против», высказанные за века философского диалога между материалистами и идеалистами, реалистами и номиналистами, физиками и лириками. Мы живем в то время, когда происходит фундаментальное сближение между точными и гуманитарными науками, причем точные науки все больше переходят к аксиоматическому⁸ типу доказательства, а гуманитарные – к статистическому⁹. Эта тенденция отражается и в современной философии, прежде всего – аналитической.

В популярном дискурсе аналитическую философию принято отождествлять с англо-американской школой мысли, густо замешанной на позитивизме и прагматизме. Но это не совсем так. Достаточно сказать, что основания аналитического мышления восходят к Аристотелю, точнее – к его трактату «Аналитика», посвященному логике (синониму аналитики). Методы аналитической философии получили дальнейшее развитие, к примеру, у таких континентальных философов, как Декарт, Лейбниц, Кант, Витгенштейн.

Если попытаться сопоставить стиль мышления в аналитической философии и ее оппоненте в лице континентальной (традиционной),

⁸ «Аксиоматический метод изначально был присущ только математике. В XX в. он нашел применение в физике. Его реальной основой является то, что методы классического материализма не применимы к явлениям микромира. Существует некая область явлений, в которой вопросы в форме пространственно-временных категорий задавать запрещено. Там не могут быть поставлены эксперименты по проверке положений, лежащих в основе теории. Проверяться могут только следствия этих положений. Это так называемые критические эксперименты. Например, мы не можем непосредственно проверить, существует точка или нет. Мы можем только постулировать это и проверять следствия из него» (Острецов, И. Н. Введение в философию ненасильственного развития. 2002).

⁹ «Адекватность статистического метода основана на том обстоятельстве, что развитие материального мира вне разума происходит методом проб и ошибок и статистических выборок из множества возможностей, некоторые из которых оказываются адекватными дальнейшим детерминированным схемам развития» (Там же).

то первый можно уподобить цифровому подходу, а второй – аналоговому. С точки зрения аналитиков, континенталисты злоупотребляют метафорически-суггестивным способом изложения философской проблематики, отсюда всю традицию континентальной философии принято в аналитической среде иронично отождествлять с разновидностью литературоведения. В этом, конечно, есть своя правда. Достаточно вспомнить, что большинство известных русских философов по своей профессиональной деятельности были именно литераторами и литературными критиками. Так сказать, мышление обязывало.

Аналитики, напротив, традиционно стремятся к тщательному определению ключевых понятий, выявлению семантических оттенков естественного языка, к логической прозрачности высказываний. Но все это уже в прошлом. В наше время мы наблюдаем зарождение таких парадоксальных явлений, как аналитическая философия религии и даже аналитическая метафизика. И это при том, что Альфред Айер¹⁰ – один из ведущих аналитических философов середины XX века – прямо называл метафизику бессмыслицей. Впрочем, с метафизическим мышлением боролся и такой маститый континенталист, как Мартин Хайдеггер¹¹.

Сегодня как аналитики, так и континенталисты методологически уперлись в так называемую «сложную проблему сознания», связанную с феноменологией субъективного мироощущения. В центре этой проблемы лежит понятие «квалиа»¹² как экзистенциального фокуса личности, персоны, переживающей мир «как он есть», в субъективном модусе. Квалиа, будучи концептуальным ключом к пониманию сознания, также занимают центральное место в решении психофизиологической проблемы, связанной с вопросом об активном системном взаимодействии тела и психики человека.

¹⁰ Сэр Альфред Джулс Айер (англ. Alfred Jules Ayer; 29 октября 1910, Лондон – 27 июня 1989, там же) – английский философ-неопозитивист, представитель аналитической философии.

¹¹ Мартин Хайдеггер (нем. Martin Heidegger; 26 сентября 1889, Месскирх, Великое герцогство Баден, Германская империя – 26 мая 1976, Фрайбург-им-Брайсгау, Баден-Вюртемберг, ФРГ) – немецкий мыслитель, один из крупнейших философов XX в. Создал учение о Бытии (Dasein) как об основополагающей и неопределимой, но всем причастной стихии мироздания. Является одним из самых выдающихся представителей немецкого экзистенциализма.

¹² Квалиа (от лат. qualitas ед. ч. «свойства, качества» ← quale ед. ч. «какого сорта; какого рода») – термин, используемый в философии, преимущественно в англоязычной аналитической философии сознания, для обозначения сенсорных, чувственных явлений любого рода.

Американский философ К. И. Льюис¹³, который первым зафиксировал понятие «квалиа», сравнил их со схоластическими универсалиями: «Существуют распознаваемые качественные характеристики воспринимаемого, которые повторяются в различных актах восприятия, и поэтому являются одним из типов универсалий; я называю их „квалиа“... Квалиа непосредственно интуитивно воспринимается, дана, и не может быть подвержена никакой возможной ошибке, поскольку она полностью субъективна» (Сознание и миропорядок мира. 1929).

Тут закономерно напрашивается схоластический вопрос: «Сколько ангелов может разместиться на острие иглы»? Иначе говоря, сколько квалиа содержится в одном моменте ментального восприятия (на острие ума)? Не удивительно, что другая звезда аналитической традиции, австралийский философ Дэвид Чалмерс¹⁴, в поисках ответа на «трудную проблему сознания» обращается к панпсихизму – древнейшему представлению о всеобщей одушевленности природы. А ведь это уже чуть ли не платонизм с его логикой объективного идеализма! Или даже гностицизм, где единая душа мира известна как плерома¹⁵.

Правда, панпсихизм Чалмерса восходит не к Платону идеалистов, а к представлениям английского материалиста Бертрانا Рассела¹⁶, который в своей книге «Анализ материи» («The Analysis of Matter», 1927) представляет весь физический мир как систему отношений, сближаясь тем самым, вольно или невольно, с пифагорейцами. Причем Рассел, подобно пифагорейцам, допускает, что внутренние свойства материи имеют некий «ментальный» характер. Иначе говоря, материальное в своей сущности оборачивается идеальным. Из этого Чалмерс делает вывод, что материальное единство мира должно иметь внутреннее

¹³ Кларенс Ирвинг Льюис (англ. Clarence Irving Lewis, 12 апреля 1883 – 3 февраля 1964) – американский академический философ. Основатель современной модальной логики и концептуального прагматизма.

¹⁴ Дэвид Джон Чалмерс (англ. David John Chalmers; род. 20 апреля 1966) – австралийский философ и преподаватель (профессор), специализирующийся в области философии сознания.

¹⁵ Плерома (др.-греч. πλήρομα – «наполнение, полнота, множество») – термин в греческой философии, одно из центральных понятий в гностицизме, обозначающее божественную полноту. В Новом Завете «вся полнота Божества телесно» обитает во Христе. В ряде гностических писаний Иисус лично провозглашает себя пребывающим в Плероме.

¹⁶ Бертран Артур Уильям Рассел, 3-й граф Рассел (англ. Bertrand Arthur William Russell, 3rd Earl Russell; 18 мая 1872, Треллек, Уэльс – 2 февраля 1970, Уэльс) – британский философ, логик, математик и общественный деятель. Считается одним из основателей английского неореализма, а также неопозитивизма.

измерение в виде ментального (или психического) единства (аналог Логоса), а посредником между этими двумя формами единства, физическим и ментальным, являются эти самые неуловимые квалиа.

Таким образом, круг замкнулся, и материалистическая философия науки обернулась идеалистической метафизикой сознания (или языка, в понятиях аналитической школы, ярким представителем которой был сам Рассел).

Дуализм единства и множества, идеального и материального

Интересно, что термин «панпсихизм» задолго до Чалмерса использовал русский философ Алексей Козлов¹⁷, последователь Густава Тейхмюллера¹⁸, основателя Юрьевской философской школы¹⁹ метафизического персонализма («панпсихизма» в терминологии А. А. Козлова). К персоналистам (они же панпсихисты-спиритуалисты) в истории философии относят такие известные фигуры, как Платона, Аристотеля, Рене Декарта, Готфрида Лейбница (автора термина «спиритуализм»²⁰), Джорджа Беркли, Мен де Бирана, Германа Лотце, вышеупомянутого Густава Тейхмюллера, Льва Лопатина²¹. В этом списке, как мы видим, прекрасно уживаются авторитеты как традиционно-континентальной, так и аналитической мысли.

¹⁷ Алексей Александрович Козлов (1831, Москва – 1901, Санкт-Петербург) – русский философ-идеалист и публицист, последователь Густава Тейхмюллера. Свою философскую систему, изложенную в сочинении «Беседы с петербургским Сократом», называл панпсихизмом. Идеи Козлова оказали влияние на Е. А. Боброва, С. А. Аскольдова, Н. О. Лосского, Н. А. Бердяева и др.

¹⁸ Густав Тейхмюллер (нем. Gustav Teichmüller, 19 ноября 1832, Брауншвейг – 22 мая 1888, Дерпт) – немецкий философ-идеалист и историк философии, профессор Юрьевского университета, создатель философской доктрины персонализма, именуемой также спиритуализмом или панпсихизмом.

¹⁹ Юрьевская философская школа – первая университетская философская школа в России, основанная профессором Юрьевского университета Густавом Тейхмюллером. Существовала в период с 1870-х по 1910-е гг. в Дерпте. Основные представители: Г. Тейхмюллер, Я. Ф. Озе, В. Ф. Лютославский, Е. А. Бобров, В. С. Шилкарский.

²⁰ Спиритуализм (от лат. spiritualis «духовный») – философское учение, в противоположность материализму считающее началом или субстанцией вещей не материю, а дух.

²¹ Лев Михайлович Лопатин (1 (13) июня 1855, Москва, Российская империя – 21 марта 1920, Москва, Советская Россия) – русский философ-идеалист и психолог, профессор Московского университета, многолетний председатель Московского психологического общества и редактор журнала «Вопросы философии и психологии». Ближайший, с раннего детства, друг и оппонент В. С. Соловьёва. Лопатин был создателем первой в России системы теоретической философии.

Точно так же не существует четких границ между сторонниками средневекового номинализма и реализма. Тут весь вопрос – в акцентах. С точки зрения дуалистического подхода можно до бесконечности педалировать разницу между единством и множеством, «единым как единственным» и «единичным как элементом множества», «множеством как актуальным единством» и «единством как потенциальным множеством» и т. д.

Однако решение проблемы фундаментального единства, реальности как целого, лежит, на наш взгляд, за пределами дискурсивного мышления, а именно – в сфере интуитивного монизма, но не как интеллектуального представления о чем-то формально едином, а как непосредственного, здесь и сейчас (в духе хайдеггеровского да-зайна), переживания в формате реальной синестезии – т. е. непосредственного объединения всех ощущений личности в нераздельном психическом синтезе, аналогичном (но не тождественном!) модусу глубокого сна.

Именно такого рода мистическое (т. е. заумное, трансцендентальное) переживание раскрывает природу того, что одни философы называют «квалиа», другие – «духом», третьи – «идеями», четвертые – «логосом» и т. д. Тут важно понять, что все эти термины маркируют реалии с точки зрения их *онтологической природы* (как единства души глубокого сна), а не *метафорической суггестивности* (энергии сновидений, ментальных фантазий).

Мистическая традиция

В каждой аутентичной культуре существует своя исторически выработанная практика достижения глубоких созерцательных состояний. Это, в полном смысле слова, и есть мистическая традиция. Причем, сознательно или бессознательно, с паттернами мистических традиций связана сама антропология мышления, включая научное (в смысле позитивистской науки). Неудивительно, что в наше время многие продвинутые ученые тем или иным образом выходят в своем теоретизировании на энергии мистического наследия, инкорпорированные в их, условно говоря, генетическом наследстве.

Если говорить о русском мистическом наследии, то здесь, бесспорно, на первом месте стоит традиция исихастского имяславия, восходящая к афонским старцам, а через них – к анахоретам Египта и иных мест расселения древних христианских тайновидцев. Причем исихастские практики обожения, т. е. реализации человеческой личностью полного всеединства с предвечным светом спасения, не являются, в

плане культурной антропологии, исключительно христианскими или даже авраамическими. Скорее, тут можно говорить о традиции Адама как легендарного первопредка всего человечества.

Поэтому неудивительно, что истинные мистики всех стран и народов, как носители подлинного адамова наследия, всегда находили между собой общий язык, несмотря на разницу теологических дискурсов, лежавших в основе их формальных мировоззрений. Ибо на уровне души глубокого сна все концептуальные границы стираются, и только в этом случае во внутреннем пространстве человеческой композиции может воссиять нетварный свет спасения. Именно в свете этого света (извините за тавтологию) решается одна из фундаментальных проблем русской патриотической идентичности, связанной с феноменологией соборности.

Феноменология соборности

Одним из наиболее глубоких авторов, обративших внимание на мистические и философские основания православной соборности, был, на наш взгляд, русский религиозный философ-евразиец Лев Карсавин²². В частности, он выдвигает идею «соборной» или «симфонической» личности (так называемый симфонический персонализм), связанной с идеей всеединства. Здесь Карсавин пытается интеллектуально обосновать полное онтологическое согласие между личностью соборной и индивидуальной – основой христианского мистического персонализма. Интересно, что Лев Платонович в своих работах предвосхитил «открытие» квалии Льюисом, введя термин «качествование».

«Я переживаю двойственное состояние: мыслю о чем-нибудь и в то же самое время наблюдаю свое бодрое настроение... Нет во мне двух «сознаний»... Все бодрствующее во мне мыслит и все мыслящее бодрствует. И, тем не менее, бодрствование мое нечто иное, чем мышление» (Философия истории, Берлин, 1923).

По Карсавину, степень познания бытия определяется степенью единства с ним. Тут мы видим, что русский философ предвосхищает не только Льюиса, но также Чалмерса и других корифеев аналитической философии. Само евразийство он видел как преобразование

²² Лев Платонович Карсавин (лит. Levas Karsavinas, 1 [13] декабря 1882, Санкт-Петербург – по разным сведениям 17 июля или 20 июля 1952, Абезь, Коми АССР, СССР) – русский религиозный философ, историк-медиевист, поэт.

русской идеи, через расширение ее феноменологического горизонта²³ (нем. Lebenswelt, «жизненный мир»), в евразийскую. Интересно, что именно мистическая укорененность Карсавина в судьбоносном единении с собственным «жизненным миром», отождествлявшимся с пространством всей Российской империи, сподвигли философа отказаться от эмиграции в Западную Европу и остаться на территории Литвы.

Между прочим, Мандельштам отказался выезжать из России даже в Литву, несмотря на многочисленные предупреждения друзей о грозящей ему смертельной опасности. Впрочем, Карсавин, погибнув в ГУЛАГе, разделил в конечном итоге свою судьбу с судьбой русского поэта.

Но если философски русская идея, включая русский патриотизм, имеет собственные культурно-исторические основания, то насколько это может помочь евразийскому человеку осознать собственную экзистенциальную, а значит – социально-оперативную уникальность. В том числе – в контексте глобальных пертурбаций, охвативших весь современный мир (уже не говоря про территорию Большой Евразии).

И вот здесь, по нашему глубокому убеждению, без современной науки не обойтись. В том числе – без искусственного интеллекта. Сегодня, как известно, существуют две глобальные программы использования этого инструмента – капиталистическая и социалистическая. Первая связана с обработкой массива антропных данных в целях формирования управляемой потребительской личности, т. е. речь идет в первую очередь о деньгах. Во втором – эти данные обрабатываются в интересах общественного порядка через формирование социального рейтинга (что бы это в конкретных условиях ни значило).

Но сегодня глобальные вызовы человечеству настолько обострились, что даже адепты глобального капитализма озаботились эффективностью самого капиталистического способа производства, выдвигая концепцию так называемого «инклюзивного капитализма без денег». Речь, конечно, о швабианцах. При этом главными бенефициарами существующей инфраструктуры глобального капитализма становятся,

²³ Горизонт в феноменологии – это структура, посредством которой конституируется жизненный мир. Из чего следует, что жизненный мир является повседневным опытным миром, историческим миром, в котором жили наши прародители и наши современники, известные и неизвестные нам. Жизненный мир – это дотеоретический, естественный мир опыта, в котором природа и дух даны в изначально созерцаемом взаимодействии. К нему должны быть редуцированы все созданные понятия, методы, теории науки.

как это ни парадоксально, китайские товарищи, понимающие, что никакой устойчивой социальной солидарности на голом энтузиазме быть не может.

И вот здесь, если вынести за скобки обе существующие модели антропного программирования через инструменты искусственного интеллекта, Россия, как страна с развитой наукой и большим историческим опытом глобального масштаба, могла бы начать развитие собственного проекта с упором на, скажем так, «евразийские ценности». А это значит социальный и финансовый рейтинг в одном стакане. То есть наше евразийство – это патриотизм и импортозамещение в масштабах всей страны. Каким образом это сделать – вопрос специального исследования, выходящий за рамки нашего сообщения.

Но в плане развития русской философии, русской мысли и русской идеи в целом я бы призвал к овладению инструментарием аналитического подхода к проблеме. Потому что на чистом литературоведении, при всем уважении к работникам гуманитарных образовательных учреждений и библиотек, страны не построишь. Думаю, что аналитическое евразийство – это и есть задача для современных евразийских интеллектуалов, способных увязать научные методы математической статистики с мистическими практиками симфонического персонализма.

Причем с точки зрения своего феноменологического горизонта – как интеллектуального, так и природного – Россия является уникальной территорией, алмазом в кольце глобальной власти. Причем «власть» с позиций симфонического персонализма – это некая фундаментальная квалия, раскрываемая в мистическом опыте богочеловеческого единства продвинутых анахоретов.